

Иван Кудишин



ВНЕ ВРЕМЕНИ

16+

Маленькая страна посреди Великого океана

Иван Кудишин

Вне Времени

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Кудишин И. В.

Вне Времени / И. В. Кудишин — «ЛитРес: Самиздат»,
2002 — (Маленькая страна посреди Великого океана)

Продолжение романа "Атомные Ринки". Ринки Либстер вместе со своим мужем Лестером и их русским другом Севой решают совершить поездку в столицу нэзалэжной Украины – город Киев. Тут-то все и начинается... В результате все герои (а, попутно, и еще кое-кто за компанию с ними) оказываются ну очень далеко от дома!

Моим киевским друзьям.

...Сева заметил навязчивое внимание к их персонам на третий час полета. Боинг-747 авиакомпании "Транс Оушеник Экспресс", вылетев из Грэндтайда, находился над Тихим океаном. До Токио оставалось еще около трех часов, а затем – еще девять до Москвы. Рыжий Лестер и Ринки дружно спали, утомившись от бездарного японского боевика, который крутили по видео. Совсем, было, собравшись сходить в самолетный зал игровых автоматов (незаменимая штука при дальних перелетах), Сева вытащил, насколько это позволяли кресла в туристском классе, свои длинные ноги в проход, но вдруг почувствовал беспокойство. Оглянувшись, он зацепил взглядом престранную фигуру, всем своим обликом выделяющуюся из общей массы пассажиров – сэнгеров и японцев, большинство из которых должно было сойти в Токио. Немного позади Севы в соседнем ряду кресел, у самого прохода вольготно расположилась в одиночку на пустом ряду сидений худая, как жердь, бабуля в вязаной ядовито-синей кофте и пестрой необъятной цыганской юбке. В отличие от своих соседей, пожилой сэнгамонской четы, одетой во все яркое, но подобранное со вкусом и аккуратное, в облике бабули была некая типично русская расхлябанность, незавершенность, что ли. Полуприкрыв глаза, тяжелые морщинистые веки которых, казалось, были поддержаны за середину невидимой бечевкой, бабуля сверлила Севин затылок нескромным взглядом. "Русская? – подумал Сева – Или цыганка... Не похоже, правда. Да уж, с такой внешностью никакая пластическая операция не поможет. Однако взглядец у старушечки! Дырку в голове запросто проглядит... В Штатах за подобное навязчивое рассматривание можно и под суд загреметь."

Стюардесса, грациозная и ненавязчиво-услужливая японочка, дежурно улыбаясь, подкатила к Севе тележку с напитками. Взяв банку японского рисового пива, молодой человек опрокинул ее в себя, крикнул от удовольствия и ему стало совершенно и не до игровых автоматов, и не до странной старушечки. Еще раз взглянув на огненную шевелюру своего приятеля и очаровательные нежные профили его жены (жен?), Сева улыбнулся и закрыл глаза...

...В девяносто втором году он, Всеволод Катков, выпускник авиационного института, получил грант на обучение в аспирантуре Грэндтайдского университета. Будучи программистом от Бога, Сева вскоре после приезда в Сэнгамон имел повышенную стипендию и неплохой дополнительный заработок. Это позволило бы ему переждать на относительно безопасных и благополучных тихоокеанских островах смутное время, которое началось на его родине после того, как великая советская империя развалилась, и вернуться в Россию состоятельным человеком.

Севе очень нравились веселые, жизнерадостные и приветливые сэнгеры, принявшие чужака из России в свою среду, как родного. Никакой ксенофобии, зависти к незаурядным Севиним талантам, взглядов свысока на пришельца из стремительно обнищавшей страны – ничего из того, к чему морально готовился молодой человек перед отъездом на другой конец земного шара. За месяц – полтора Сева усовершенствовал свой английский до такой степени, что его стали принимать за урожденного сэнгера. На ностальгию времени почти не оставалось: работы по аспирантским делам было море, а в промежутках Сева чинил и собирал компьютеры в университете, налаживал сети, устанавливал новые программы. Да и, если честно, не мучила его ностальгия и в свободное время: райский климат, круглогодично теплый океан, плескавшийся буквально под окошком, наличие неплохих денег в кармане, отсутствие постоянно нависавшей дамокловым мечом необходимости думать о том, что будет завтра, и всеобщая доброжелательность окружающих были вполне по душе Севе.

Однажды, когда русский аспирант уже стал известен своими компьютерными достижениями во всем университете, знакомый попросил его установить на компьютер и отладить программу в общежитии филологического факультета. На двери комнаты – "семейки" значилось: "Э. и М. Либстер, Л. Шерман". Удивившись подобному сочетанию, Сева постучался. Ему

ответили хором два женских голоса: "Войдите!". За дверью Сева испытал легкий шок: ему навстречу вышло абсолютно непостижимое существо. Две очаровательные молодые девушки, черноволосые, с пронзительно синими глазами, идеальными чертами зеркально похожих лиц, с туловищами, чуть выше широкой талии сходящимися в одно. Существо двигалось на двух мускулистых красивых ногах. Походка сдвоенных девушек была уверенная и грациозная. Они были одеты в желтые университетские футболки и джинсы.

Не отойдя от шока, Сева стоял столбом, забыв, как произносить слова. Девушки обезоруживающе улыбнулись:

•

Добрый вечер. Вы, наверное, компьютерный мастер? Нас зовут Эрин и Морин, для простоты Ринки. Проходите, пожалуйста. – две руки протянулись вперед для пожатия.

– П-п-привет... – Сева потряс две ладошки, ловко уместившиеся в его правой руке – Меня зовут Сева.

– Сеуа? Вы русский? Ой, как интересно! А вы давно из России? А полное имя ваше, простите, Усеуорлд? – затараторили девушки.

– Всеволод. – поправил Сева – Давно уже, скоро два года.

– А мы изучаем русский. Какое редкое имя! Вот хорошо, можно с носителем языка пообщаться! Присаживайтесь, Сеуа. Сейчас муж придет, чего-нибудь вкусенького принесет.

Пока тугодумное железо неторопливо всасывало информацию с дискет, Сева разговорился с Ринки. Неловкость быстро улетучилась без следа – собеседницы Севы оказались очень веселыми и остроумными. Они тут же стали пытаться говорить с ним по-русски, правда, акцент у Ринки был в меру чудовищен, а грамматика и словарный запас хромали на все ноги. Сева, временами отвлекаясь на установку программы, с удовольствием общался с хозяйками. Через полчаса он понял, что уже немного влюбился. А когда пришел муж Ринки – коренастый огненно-рыжий парнишка с багровым шрамом на лбу по имени Лестер Шерман, Сева понял, что к себе ему сегодня не попасть. Лес обаял Севу; он был молодым режиссером, занимался съемками своего первого фильма – работы на соискание степени бакалавра, которую Лестер решил посвятить жизни инвалидов в Сэнгамоне. За разговором, прихлебывая пиво, молодые люди просидели полночи. Программа была между делом успешно установлена и отлажена. Лес стал предлагать за работу деньги, но Сева решительно отказался:

– С друзей не беру. В следующий раз пиво за мной.

Странная чета Шерманов стала первыми настоящими, "не разлей вода", друзьями Севы в Сэнгамоне. Он с интересом выслушал историю Ринки, проживших фактически в затворничестве первые восемнадцать лет своей жизни, узнал и о том, через какие испытания пришлось пройти им с Лесом, чтобы соединить, наконец, свои судьбы. О том, какие хитроумные препятствия чинил им отец Ринки, как Лестера чуть не отлучили от церкви за намерение жениться сразу на двоих. Наконец, о том, что Ринки, отчаявшись переубедить отца, очень богатого человека, психиатра с мировым именем, приняли очень трудное решение – покинули свой дом, где они жили на всем готовом, и вышли в большой мир, решительно наплевав на свою, мягко говоря, нетривиальную внешность. Как они поступили вслед за своим мужем в Грэндтайдский университет.

Ринки и Лес получили семейную комнату в университетском кампусе. Учеба у девушек шла, как по маслу: фактически, к моменту поступления они уже прошли всю университетскую программу дома. Ринки хотели стать филологами, их всегда привлекали литература и языкознание. Одногоруппники, в основном, восприняли появление в своей среде сиамских близнецов вполне адекватно. Ринки вызывали всеобщее удивление и даже белую зависть на занятиях. Особенно яркими были их успехи в спортивной подготовке: они так ловко выписывали головоломные вольты на турнике и брусьях, бегали, играли в футбол и баскетбол, что любая команда с радостью готова была принять их в свои ряды. Лишь два или три раза бывали случаи,

когда кто-то выказывал раздражение или неприятие соседства с этим странным существом. Но большинство товарищей по курсу любило Ринки за их веселый, добрый нрав, полнейшую беззлобность и искреннюю готовность помочь и поддержать. Любая критика в адрес близняшек воспринималась студенческой братией в штыки. После этого критику оставалось только прикусить язык, а по прошествии совсем короткого времени он и сам начинал понимать, что в корне неправ. В семейной жизни с Лестером у Ринки было полное счастье и взаимопонимание, к которым молодые люди пришли после долгих мытарств, выпавших на их долю в недалеком прошлом. В Грэндтайде Лес и Ринки осуществили свою давнюю мечту: они организовали студенческую рок-группу, которую назвали "Принцесса". Любительские записи, сделанные в университетском клубе, были представлены на грэндтайдской музыкальной радиостанции "Геликон". Там песни "Принцессы" очень понравились, и вскоре голоса Леса, Ринки и их друга, поэта и певца Алекса Гарнича – четвертого участника "Принцессы" – зазвучали в эфире.

Ринки очень хотели побывать в России. Однажды они попросили Севу рассказать о его родине, и рассказ затянулся до глубокой ночи. После этого девушки загорелись желанием съездить в Москву и в Киев – посмотреть Лавру. Сева с улыбкой объяснил им, что Киев находится уже не в России, а в независимом государстве – Украине, впрочем, этот факт не повлиял на желание Ринки ни в малейшей степени. Девушки были православными и твердо решили повидать одну из самых почитаемых святынь. Правда, для осуществления этой мечты пришлось немало потрудиться. Ринки занялись переводами с французского, которым они успели овладеть в совершенстве, Лестер, поддержавший Ринки в их начинании, засел за написание сценариев своим нерадивым, но денежным сокурсникам, и в результате, к лету девяносто седьмого года необходимая сумма была собрана.

У Севы в Киеве жил старинный друг, организовавший в этом прекрасном городе музей одной из самых старинных его улиц – Андреевского спуска. В служебном помещении музея, Сева знал, имелась комната, в которой можно было бы замечательно разместиться. Сам он не был дома уже два с лишним года, а в Киев к друзьям не появлялся и того дольше. Поэтому было решено лететь в Москву, оттуда на поезде добраться до Киева, побыть там недельку – другую, а остаток каникул провести в Москве, у Севы дома. И вот, наконец, третьего июня, Лестер, Ринки и Сева сели на самолет...

Разбудили Севу неприятные ощущения в ушах: Боинг заходил на посадку в аэропорту Нарита. Ринки проснулись и растормошили своего мужа: Лестер обладал весьма ценным умением спать впрок. Самолет подрулил к терминалу, пассажиров, следовавших в Москву, попросили выйти из салона в зал транзита. Краем глаза Сева отметил, что старушенция с тяжелым взглядом поспешала к выходу, стремясь как можно ближе притереться к их группе. Даже привычные к толкотне японцы с раздражением косились на наглую старушку – жердь, упоенно работающую локтями.

Пройдя по длинной кишке – коридору, ребята направились в бар транзитного зала, выпить пива. Ринки дружно возмутились, что пинта "Хайнекена" или "Саппоро" стоит в Токио в четыре раза дороже, чем в Сэнгамоне, но взяли по бокальчику. Сева с Лестером выбрали столик в полутемном углу бара, и вся компания переместилась туда, провожаемая недоуменными взглядами бартендера и официанток: не каждый день в Нарита появляются сиамские близняшки!

Лес отхлебнул из бокала, заел орешками и сказал:

– Ох, ноги затекли! Вроде бы, и кресло удобное, но сидеть уж больно долго. Хоть разознемся немного... Ринки, вы как?

– Ничего, пока держимся. Девять часов лета еще, успеем устать – ответила Эрин.

Сева обернулся и – вновь встретился глазами с чугунным взглядом бабули – соседки, как раз возникшей в дверях.

– Лес, Ринки, вон ту бабулю видите? – вполголоса спросил он.

– Да. – хором ответили молодые люди.

– Как вам взглядец?

– Кошмар. Смотрит, как удав на кролика. – поежилась Морин.

– Может быть, я страдаю паранойей, но мне кажется, у нее к нам некий интерес.

И точно: оглядевшись для проформы, старушенция пересекла полупустой бар и, ни слова не говоря, опустилась за столик молодых людей.

– Простите, это место занято. – холодно сказал Сева по-английски.

– Я не помешаю, посижу тут... – ответила старушенция по-русски, как ни в чем не бывало, по-лисьи улыбаясь.

– Это место занято. – повторил Сева на родном языке.

– Да бросьте вы, в самом деле, вы же вчетвером путешествуете! Так приятно встретить соотечественников! Я сама уже год дома не была... – пропела старушенция насквозь фальшивым голосом.

– Аналогично. – сухо ответил Сева, пытаясь обрубить разговор.

– Кстати, меня Марией зовут... Марией Васильевной. – произнесла старушенция ележно, правда, очевидно замявшись в середине тирады.

– А меня – Брюс Уиллис. Мария Васильевна, прошу вас, оставьте нас в покое. С вашего позволения, мы бы хотели без всяких новых знакомств по-простому выпить пивка. Тем более что посадка начнется через десять минут.

– Такой культурный молодой человек, а старшим дерзит!.. – с осуждением произнесла Мария Васильевна и нехотя поднялась из-за столика – Что ж, счастливо оставаться, скоро увидимся.

– Ну, это вряд ли. – пробормотал Сева.

Ринки с грехом пополам поняли, о чем шла речь, а вот Лестер глядел на Севу с недоуменно-любопытным видом.

– Хотела познакомиться. Отшил. – прокомментировал Сева.

– Только познакомиться?

– Вроде бы. Денег не просила, купить бриллиант на двести карат или кокаину не предлагала.

– Слава Богу, что отвязалась. Вокруг нее как будто темный кокон. – зрачки Эрин были расширены, а Ринки, вообще-то, трусостью не отличались.

Объявили посадку. Молодые люди вновь заняли места в салоне Боинга. Дальнейший путь до Москвы прошел без происшествий. Загрузка была неполная, и старушенция, как успел заметить Лестер, комфортабельно устроилась у окна в самом хвосте. Молодым людям она больше не докучала.

...Москва, которую Сева помнил полунищим заплеванным городом, едва отвыкшим от горбачевских талонов на сахар и водку, заметно богатела. Повсюду встречались коммерческие ларьки, народ щеголял в ярких китайско-турецких одежках. На выходе из "зеленого коридора" шереметьевской таможни молодых людей перехватил нагловатый лысый тип в кожанке, с золотыми фиксами во рту и с дутой золотой цепочкой на шее:

– Такси, ребята! Недорого!

– Сколько? – спросил Сева.

– Пятьдесят до центра.

– Тысяч рублей? – поднял брови Сева.

– Обижаешь! Долларов, конечно.

– А по счетчику сколько?

– По счетчику будет при коммунизме.

– Тогда дай пройти. – жадностью Сева никогда не страдал, да и денег, правда, не в долларах, а в сэнгах, у него было предостаточно, особенно по московским меркам. Просто ему все-

гда претило беззастенчивое обирание клиентов таксистами в любом аэропорту, хоть в Москве, хоть в Сити оф Сэнгамон.

Впрочем, долго ждать автобуса не пришлось, он подкатил, как только Сева, Лес и Ринки вышли на остановку. Доехав до метро, молодые люди отправились к Севе домой.

Лес и Ринки с открытыми ртами глядели на станции, по мере продвижения к центру города становившиеся все красивее и красивее. А Сева время от времени оглядывался вокруг: в самом начале дороги ему показалось, что в конце вагона мелькнула пестрая цыганская юбка.

Соседи по вагону бросали на Ринки удивленные взгляды, но прекрасные близняшки, у которых уже давным-давно выработался иммунитет на "синдром белой вороны", не обращали на это никакого внимания. Выйдя из метро на "Белорусской", компания села в троллейбус, и уже через несколько минут молодые люди поднимались к Севиной квартире.

Сева предупредил маму и сестру о том, что он с друзьями приедет на побывку. Их уже ждали. Севина мама, соскучившаяся по любимому чаду, наготовила, по своему обыкновению, разных вкусностей на роту едоков. Лестер и Ринки поначалу несколько смутились – они не ожидали столь теплого приема на другом конце планеты. Через короткое время все расселись за старым овальным столом в гостиной, а Севины женщины, практически не ощущая языкового барьера, на чудовищной смеси английского и русского общались с Лесом и Ринки. По временам, забываясь, Севина сестра Таня адресовалась к брату с репликами на ломаном английском, а Сева в этих случаях с усмешкой поправлял ее. Таня перешла в одиннадцатый класс школы "с углубленным изучением английского", но, как Сева понял, успехи ее в иностранном языке были более чем скромными.

Вечером Сева и Лес поехали на Киевский вокзал за билетами. Ринки порывались сопровождать их, но глаза у сестер слипались – долгий перелет вымотал их гораздо сильнее, чем молодых людей. Севина мама уложила близняшек на "гостевом" диване, и Ринки моментально отключились.

Стоял вечер, сумеречное небо было уже густо-фиолетовым. Не торопясь, Сева с Лестером пешком двинулись в сторону метро. По улице, ярко освещенной желтым светом фонарей, шелестели редкие автомашины. Справа по железнодорожной ветке, соединяющей Белорусский вокзал с Савеловским, прогремела электричка.

Друзья молчали. Сева окунулся в полузабытые ощущения узнавания родных мест. Но к приятным воспоминаниям примешивалась и горечь – чувство спокойствия от сознания близости к родному дому, к своей маленькой теплой цитадели, такое обычное в прошлом, уступило место подсознательной тревоге. Тревоге за своих близких, их здоровье, благосостояние, будущее. Сева как будто вернулся в другой мир, где внешне почти все осталось, как прежде, но вот сама суть вещей – подменна. Молодой человек поймал себя на мысли о том, что хорошо бы сейчас оказаться в своей уютной комнате в Грэндтайдском университетском кампусе...

Лестер же впитывал новые впечатления. Все вокруг казалось ему до странности знакомым – молодого сэнгера одолевало чувство дежа-вю. И хотя прохладная Москва ничуть не напоминала тропические Грэндтайд и Мэджик Сити, Лестеру казалось, что он ЗНАЕТ этот, казалось бы, абсолютно чуждый для него город.

– Красиво здесь у вас... – негромко сказал он.

– Да что тут красивого? Заплевано все, замусорено... Все торгашествуют, как с ума посходили. Хотя – что еще людям делать? Выживать надо. Знаешь, Лес, когда я отсюда уезжал, народ был явно беднее, менее пестро одет. Но как ни странно, улыбались люди гораздо чаще. Вера у них еще оставалась в светлое будущее. А сейчас, куда ни кинь – все в себе сидят, как в танке... Печально.

– Тебе есть с чем сравнивать. Но город все равно у вас красивый. И главное – совершенно иной, чем у нас. Мне тут нравится!

– В Киеве, Лес, тебе понравится еще больше. Это с гарантией. У нас тут полно казенщины, а там все гораздо уютнее, много зелени, а уж Днепр один чего стоит! Нью-Хадсон по сравнению с ним имеет бледный вид. Заглядение, короче. Побродяжим вволю.

– Побродяжим... Здорово, что все так удачно сложилось с этой поездкой. Пока ноги ходят, а глаза видят – нужно смотреть мир.

Сева поглядел на своего друга и улыбнулся.

– Святая правда, Лестер. И еще, неплохо бы, чтобы в кармане что-нибудь шуршало. Помню, возили нас, в школе еще, на экскурсию в Чехословакию – так мы там с нашими скудными деньгами только ходили да смотрели на разные там шпикачки да пиво "Старопрамен", глотая слюнки.

– Давненько же ты начал пивоманить! – расхохотался Лестер.

Незаметно для себя молодые люди дошли до станции метро. Лес извинился и исчез в дверях обменного пункта. Поразмыслив, Сева последовал за ним: в его кошельке лежали три стосэнговые банкноты и всего десять тысяч рублей, привезенных еще из Грэндтайда.

Лес с легким недоумением во взгляде пересчитывал кругленькую сумму в рублях, полученную им за пятьдесят сэнгов:

– Как подешевел рубль! Я ведь еще совсем недавно слышал, что на один рубль можно было купить много всего, а тут – пять с полтиной тысяч за сэнг!

– Это все потому, что против Сэнгамона не применили самое страшное и разрушительное оружие.

– Какое? – удивленно спросил Лес.

– Российских экономистов-реформаторов!

Поменяв деньги, молодые люди спустились в метро. На "Киевской" их подхватила толпа народу, и низкорослого Леса чуть было не оттерли от Севы, но закаленный в московском общественном транспорте русский программист буквально выдернул своего рыжего компаньона из мельтешения сограждан на эскалатор. Лес отдышался:

– Да, а транспорт у вас переполнен... Но подземка очень впечатляет!

В кассовом зале, в связи с началом школьных каникул и сезона отпусков, было не протолкнуться. Очереди, змеясь, тянулись к десятку работающих касс. Большая же часть окошек была не освещена. Лес не замедлил удивиться вслух этому факту, на что Сева отпарировал:

– Дружище мое, ты приехал в Россию. Это, как ты знаешь из классики, страна таинственная. Так что приготовься ждать. Знаешь что? Ты пока стой в очереди, а я сховаюсь быстренько за пивом. Танька говорила, у нас тут новый сорт объявился, "Балтика" называется. Надо попробовать.

Выйдя на площадь из кассового зала, Сева купил в киоске – развалюхе, откровенно пованивавшем мочой, две бутылки прохладной девятой "Балтики", прельстившись экзотической ремаркой на этикетке: "Крепкое пиво". Взяв на закуску два пакетика арахиса, молодой человек направился обратно.

И – остановился как вкопанный у самых дверей кассового зала. В профиль к нему стояла... приснопамятная Марья Васильевна. Да, ошибки быть не могло, но! Теперь длинная жердеобразная фигура с острыми тонкими скобками рук, локти оттопырены в боевое положение, была наряжена в потертые синие джинсы и демисезонную кожанку поносного цвета. Только сейчас Сева понял, что больше всего выглядело диссонансом в ее образе: манера двигаться! Ненатуральные, широкие размахи рук при ходьбе были более свойственны не пожилой даме, а скорее резвому, нагловатому мужичку – бодрячку, в которого нынче и нарядилась их знакомица... Или все же знакомец?

Войдя в зал, "Марья Васильевна" резко свернул вправо и направился к расписанию поездов дальнего следования. Сева нашел глазами Лестера, и увидел, что его другу что-то усиленно втолковывает невысокий колобкообразный очкастый милицейский сержант в разгрузоч-

ном жилете и с коротким "калашом" на боку. Набитые чем-то многочисленные карманы жилета придавали милиционеру дополнительное сходство с хлебобулочным изделием. Сева подошел.

– Добрый вечер, сержант. Мы вдвоем. Какие-то проблемы?

Сержант повернулся всем корпусом к Севе.

– Документы ваши попрошу.

Сева предъявил свой паспорт, а затем перевел требование милиционера Лестеру. С трудом вчитавшись в темно-синюю книжицу сэнгамонского паспорта, сержант переминался с ноги на ногу и сказал:

– Где он живет?

– Он мой гость, живет у меня.

– Он зарегистрировался по месту жительства?

– Мы с ним прилетели только сегодня, а завтра вечером убываем в Киев.

Дотошно проверив использованные авиабилеты Севы и Лестера, которые предусмотрительный Сева положил к себе в бумажник после высадки в Шереметьево, сержант кратко козырнул и потерял к друзьям всякий интерес. Но Севе в голову пришла оригинальная мысль.

– Сержант! Извините, можно вас на минутку?

Милиционер недовольно обернулся.

– Что еще?

– У расписания маячит фигура – во-он, долговязый, в кожанке и темных очках. Он сегодня весь вечер за нами шляется, следит. Вас не затруднит проверить у него документы?

Ни слова не говоря, сержант едва кивнул, развернулся и, рассекая толпу, с барственной небрежностью прошествовал в сторону расписания.

– Хозяин жизни, бл-лин! – зло произнес Сева вслед стражу порядка по-русски.

– Сева, а зачем это ваши копы так активно проверяют документы у каждого встречного? – спросил "голуба душа" Лес.

– Видишь ли, в этом городе действует так называемый режим временной регистрации иногородних – по сути, система легализованных взяток государству за право временного проживания в Москве. – начал объяснять Сева, протягивая Лесу обезглавленную бутылку пива и арахис – Если в течение трех дней ты не...

Севу прервал жуткий переливчатый женский визг и нечленораздельные вопли, раздавшиеся у стенда расписания. Знакомая долговязая фигура "Марьи Васильевны" быстрым шагом направилась к двери на улицу и в доли секунды скрылась в толпе. А вот сержанта нигде не было видно.

...Милиционер подошел к тощему долговязому мужику, уставившемуся в строчки расписания, и привычным небрежным жестом козырнул:

– Сержант Абрамов. Ваши документы.

Мужик медленно стал разворачиваться к милиционеру. И вдруг бедный Абрамов начал понимать, что с его клиентом что-то не так... Голова мужика вдруг видоизменилась, как гуттаперчевая, и из человеческой в мгновение трансформировалась в акулю... Абрамов замер, не в силах пошевелиться. "Вот и сошел я с ума!" – мелькнула мысль у бедного сержанта. Человек-акула странно изогнулся, увеличиваясь в размерах, чудовищные челюсти раскрылись, как капкан, несколько рядов треугольных белоснежных зубов тускло блеснули в свете вокзальных ламп... Не успев заорать, Абрамов провалился во тьму...

– Подошел!!! Документы!!! И нет!!! Исчез!!! – надрывалась полноватая транзитница, сидевшая на груди тюков под расписанием, заламывая руки.

Из дальних концов зала к оравшей тетке со всей возможной скоростью спешили милиционеры в форме и в штатском. Сева присвистнул.

– Туда не смотри. Потом все объясню. Берем билеты – и быстро линияем, дай нам Бог рок-н-ролла! Усек?

– Усек. Кстати, пиво неплохое. – Лес по изменившемуся лицу Сева понял, что произошло нечто экстраординарное, и украдкой глянул в сторону расписания. От кассы их отделяло уже только два человека.

Сева залпом осушил свою бутылку, даже не почувствовав вкуса, а арахис закинул в карман. Лес последовал его примеру:

– Крепкое. Дает в голову. У нас по жаре с одной бутылки напьешься до сложения риз. – с уважением прокомментировал рыжий сэнгер.

Сева рассеянно кивнул, думая о своем.

Усталая кассирша, изучив протянутые ей документы, долго не могла взять в толк, как это один паспорт может быть выписан сразу на двоих человек. Сева целую минуту втолковывал ей, что Ринки – сиамские близнецы, и с юридической точки зрения считаются одной персоной (если бы она знала, скольких трудов и нервов стоило это бюрократическое новшество Лестеру и Ринки!). Обалдев в конец, кассирша потребовала, чтобы на Ринки было взято два билета. Скрепя сердце (или, как он сам бы выразился, скрипя сердцем), Сева согласился, поставив, впрочем, непременно условие, чтобы все четыре места были в одном купе. Схватив билеты, Сева поволок Леса за собой в зал пригородных касс, на ходу запихивая все документы в бумажник. Когда друзья проходили мимо зареванной транзитницы, окруженной "серыми братьями", Сева мельком услышал обрывок фразы:

– ...смотрим – а милиционер в воздухе тает...

Сева провел Леса в метро кружным путем. Прощмыгнув сквозь турникеты на входе, программист быстро огляделся, но "Марью Васильевну" не заметил. На эскалаторе Лестер недоуменно поглядел на друга:

– Сеуа, что это было?

– Это была Марья Васильевна из самолета. Только почему-то переодетая мужчиной. Или это мужик, переодевавшийся бабкой?

– А что за скандал там произошел?

– Я натравил на нее сержанта, чтобы тот документы проверил.

– И?

– Сам я не видел, но по-моему, сержант просто исчез. Растворился в воздухе.

– Когда смеяться?

– После слова "лопата". Никаких шуток, Лестер. Видел зареванную женщину?

– Видел.

– Ну вот, это с ее слов. Она рядом оказалась.

– Да, Сеуа, Россия действительно таинственная страна... С элементами ненаучной фантастики...

– Не смешно, Лес. Похоже, мы серьезно вляпались. Но вот во что?

– А ты не допускаешь, например, что эта наша попутчица – просто сильный экстрасенс, морочащий людям голову ради денег или просто, например, для удовольствия? Или что они с вашим копом просто работают в паре?

– Насчет в паре – что-то мало верится. Тогда и тетку эту нужно брать в долю. Главное – чего ради? А насчет экстрасенса... Ради собственного спокойствия можно, конечно, принять эту версию в качестве рабочей. Если непонятное объяснить понятным – душа сразу на место становится.

В молчании молодые люди доехали до своей станции и проделали остаток пути на троллейбусе. Желание прогуляться по ночной Москве как-то само собою стаяло...

Ночь вся компания провела в объятиях Морфея – Ринки отсыпались, компенсируя разницу в часовых поясах, да и Лестер с Севой умотались за пол суток в воздухе. Утром молодых людей растормошила Танюха, жаждавшая общения. Прельстив чету Шерманов запахом пельменей, томленных в сметане, Севина ушлая сестрица живо заставила всю компанию про-

драть глаза и почувствовать волчий голод. Сева с Лесом по молчаливому согласию решили не рассказывать Ринки о происшествии в кассовом зале. Оба они поймали себя на том, что события вчерашнего вечера потеряли для них остроту, воспринимаясь нынче, как некий зыбкий ирреальный ночной кошмар, который можно просто забыть.

После завтрака неутомимая сестрица Танечка предложила съездить на Поклонную гору, в новый музей Отечественной войны. План был одобрен, и остаток свободного времени Шерманы и Сева провели без скуки, прогуливаясь по роскошному парку, попивая пиво и осматривая экспозицию. Ринки щебетали без умолку с Таней, Сева отметил, что его младшенькая уже говорит по-английски вполне непринужденно. Лес сделал несколько фотоснимков на авиационной стоянке и скептически хмыкнул:

– Такие интересные машины – и под открытым небом. Жаль.

К половине девятого компания, сопровождаемая Севиной мамой и Таней, выгрузилась из метро на "Киевской" и неторопливо направилась в сторону перронов. Глаза у мамы были на мокром месте: только сын приехал из прекрасного далека – и уже уезжает... Танюха же исподволь бросала на Лестера влюбленные взгляды.

– Ринки, готовьтесь к шоку. – честно предупредил Сева.

– А что? – спросила Эрин.

– Малая скорость, четырехместное купе, навязчивый сервис.

– Ну, насчет купе у нас все в порядке, не так ли? А что скорость? Насколько малая?

– Шестьдесят – семьдесят километров в час, не больше.

– Н-да... – Ринки и Лес, привыкшие к сэнгамонским поездам – экспрессам, на маршруте поддерживающим двести сорок, причем даже вода из стакана не расплескивалась, пожали плечами.

– Ничего, у нас есть неплохая поговорка: "Тише едешь – дальше будешь". – успокоил близняшек Сева.

– Ха, можно подумать, что поезда в Сэнгамоне ездят громко! – парировала Морин.

– Не в смысле "тише", а в смысле – "медленнее"... – Сева осекся, улыбка сползла с его лица. Он повернулся к Лестеру:

– Лес, снова она!

– Кто? – хором спросили все Шерманы.

– Попутчица наша.

И правда, у столба на открытом перроне, к которому подали их сорок первый киевский, торчала жердеобразная фигура в пестрой юбке.

– Хоть билеты сдавай! – прошипел Лестер себе под нос.

– Бесплезно, друг мой. По-моему, она это узнает раньше, чем ты успеешь осуществить. – Сева выглядел обескураженным, если не сказать – напуганным.

– Мо, пойдём-ка, промоем бабушке мозги! – Эрин перехватила Севин взгляд и тут же углядела "Марью Васильевну" у столба. Близняшки решительно направились к старушенции, которая, чувствовалось, так и буравила компанию взглядом сквозь темные очки.

Сева похолодел от внезапного липкого ужаса:

– Ринки!!! Только не это!!! Не вздумайте!

Севина мама и Таня уставились на Севу в изумлении. Морин обернулась:

– Погоди-ка, Эри! Сева, не вопи. Почему это не вздумать? Бабуля нас второй день достает, пора ее немного окоротить.

– Морин, эта бабуля гораздо опаснее, чем ты думаешь. Поверь мне, лучше ее не злить.

– Ты знаешь то, чего не знаем мы? – Ринки развернулись и подошли к Севе и Лестеру.

– Мы вчера вечером видели эту бабушенцию в действии. – ответил Лестер за Севу – Похоже, это вторая Безногая Прелестница.

– Ринки, не трогайте, оно и вонять не будет – скалькировал Сева на английский русскую поговорку. Ринки поняли смысл с лету и усмехнулись.

... Три дюжины десять два ЗИ – одна дюжина одиннадцатому РЫ. Попытка доверительного знакомства с объектами признана неудачной. Перехожу к варианту силового контакта...

... Устроившись в купе по-домашнему, ребята извлекли из Лестеровского рюкзака загодя припасенное пиво и гигантский пакет с парой кило раков, сваренных гениальной Танюхой по старинному рецепту, с предварительным выдерживанием в молоке. Когда Сева накануне ночью грузил эту довольно тяжелую поклажу в заплечный мешок Лестера, тот откровенно недоумевал:

– Раки! Маленькие лобстеры! Они же испортиться могут...

– Лес, мысли масштабнее! Не успеют.

– Ага, пока их сюда везли из какой-нибудь там Швеции...

– Откуда-откуда?! Да мама их живьем купила к нашему приезду в пригороде Москвы. Челюсть у Леса буквально отпала.

– Ты хочешь сказать, что ТАКОЕ водится возле Москвы?!

– Водится, конечно. Думаешь, в нашем регионе не осталось речек с чистой водой? А еще у нас медведи и волки есть.

– Ну, этим ты меня не удивишь, я все-таки не из Америки приехал.

Так или иначе, а аппетитно пахнущие членистоногие пришились очень в тему. Поначалу Шерманы ковыряли жесткие панцири с некоторой опаской, но Танины кулинарные способности взяли верх. Во втором часу ночи, на подъезде к Брянску, под пиво в охотку и приятную беседу, раков доистребили. Мусорный бак возле туалета был завален розовыми очистками по самую крышку. Лес и Ринки откровенно клевали носами, хотя Сева предупредил их о том, что впереди – встреча с очередным постсоветским маразмом, называемым таможей. Выложив на столик паспорта, ребята завалились спать. Ринки долго не могли устроиться удобно на узкой полке.

Прервав едва пришедший сон, после настойчивого стука в дверь, на приграничной станции путешественникам со словами “Добра ничь” явился сперва украинский пограничник, скрупулезно проверивший у Леса и Ринки в паспортах наличие туристических виз, предусмотрительно полученных еще в Сити оф Сэнгамон. Пограничник долго светил в лица сестер фонариком, на что Эрин в конце концов заметила по-русски:

– Не можно ли вежливо, сэр?

– С какой целью вы едете в Украину? – озадаченный видом сестер, пограничник даже забыл украинский.

– Туризм.

Пограничник поднял брови, но печати во всех трех паспортах все же проставил.

Таможенник, зашедший в их купе спустя несколько минут после ухода погранцов, видимо, был предварительно проинструктирован разбитной проводницей. Глаза его при виде Ринки округлились, но чиновник все же для начала попытался достать молодых людей вопросами об оружии, наркотиках и валюте. На это Ринки с Лесом прикинулись наглухо англоязычными (что в случае с Лесом и было святой правдой), а Сева, усмехнувшись, поинтересовался:

– Да кто ж вам правду-то ответит?

Таможенник взъелся, пришлось продемонстрировать ему три карточки "Виза". Про валюту Шерманы были проинструктированы Севой заранее, и в кошельках у молодых людей оказались лишь мелкие сэнгамонские банкноты и рубли. Оглядев багаж, рядком разместившийся в нише под потолком, таможенник понял, что ловить здесь нечего, а неприятностей от

иностранцев потенциально можно огрести выше крыши, и удалился. Сева с облегчением запер дверь.

– Они всегда здесь такие хамовитые? – поинтересовалась Морин.

– Не знаю, Мо, я здесь впервые вообще с таможней сталкиваюсь. Полный маразм. Мама ездила пару раз к родственникам, говорит – когда как. Работа у них такая: "Друг в беде не спросит, лишнего не бросит". Ладно, у каждого свой хлеб. Не кусите, и не кусимы будете. Ребятки, давайте теперь быстренько придавим на массу. К восьми нужно быть как огурчики.

– Придавить на массу? На чью??? Какими бывают огурцы??? – посыпал вопросами Лес.

– Придавить на массу, а также посидеть на спине – означает поспать. А огурцы в природе бывают только свежие! – рассмеялся Сева, очень любивший дословно толмачить русские выражения и пословицы на английский – Ребята, въезд в Киев на поезде пропускать ни за что нельзя. Сами увидите, почему.

С этим заснули.

Разбудила молодых людей проводница. Поезд уже проезжал через Бровары, предместье Киева. Быстро скатившись с верхней полки, Сева сбегал в пока еще незанятый туалет, умылся, скатал постель и начал безжалостно тормозить Ринки и Леса:

– Вставайте, сурочье, а то самое интересное проспите!

Позевывая, Шерманы выбрались в коридор. Сева открыл окно. Мимо тянулись перелески. Промелькнула станция. Увидев среди густой зелени рыжие проплешины мертвых деревьев, Сева вздрогнул: Чернобыль, будь он неладен! Кто знает, кого еще вырвет из этой жизни нечаянно занесенная ветром радиация? Отца Севиного друга Димки, к которому они сейчас ехали, не стало буквально за две недели: рак крови. Да и в сэнгамонских газетах нет-нет, а проскочит сообщение о радиационной опасности на Украине.

Сколько же времени он не ездил этим маршрутом? Тогда, в последний свой приезд, Сева так же стоял у окошка, в щемящем предвкушении встречи с теми местами, где он провел большую и лучшую часть детства. Его всегда переполнял торжественный восторг от постепенно открывающейся взору величественной панорамы днепровских просторов. Теперь же радость уже была немного омрачена: дома киевских окраин, ранее сверкавшие безукоризненной белизной, теперь стали грязновато-серыми, фасады тут и там покрывали трещины. На широких покрытых глинистой грязью пустырях ржавели брошенные старые автомобили. Упадок...

– Смотрите! – Лес высунулся из окна, указывая вперед.

На фоне сероватых облаков, затягивавших небо, впереди ярко блестела глава Лавры. Левее, на зеленой круче, высилась нелепая тускло-стальная фигура Родины – Матери, по-английски почему-то называемая "Та, которой нужно подчиняться", воздевающая руки в вечном призыве (или проклятии?). Поезд, стуча на стыках рельсов, въезжал на мост через Днепр. Ринки щелкали фотоаппаратом. Сева окинул взглядом речную ширь. На самом фарватере тут и там зеленели островки водорослей. У далеких причалов речного вокзала, где раньше стояло множество судов, теперь было пусто. Лишь редкие рыбаки клевали носами в своих резиновых лодчонках. На грязновато-желтом песке пляжей тоже было пусто. Упадок...

– Красота! – выдохнула Морин.

– Раньше было лучше. – ответил Сева с грустью.

Миновав Днепр, состав окунулся в густые кущи правого берега. Ощущение упадка у Севы усилилось: многоэтажные здания учреждений, институтов, контор, стояли в основном пустые и разоренные, зияли выбитые окна, штукатурка потрескалась и местами отваливалась, обнажая кирпич. Город, ранее цветущий и прекрасный, производил нынче на Севу впечатление трупа, в гнилом чреве которого правят бал опарыши и жуки. Редкие прохожие на улицах были угрюмы, шли куда-то по своим делам, глядя в землю. Боже, до чего можно довести богатую щедрую страну!.. У ограды старинного Байкова кладбища, мимо которого медленно про-

езжал состав, разместились бабульки в серых кофтах, темных юбках и платках, торговавшие какой-то снедью и цветами.

Настроение Севы передалось и Лестеру:

– А жизнь-то здесь, пожалуй, невеселая...

– Да уж, Лес. Не ожидал я здесь увидеть такое запустение. Ну ладно, мы уже почти приехали. Пошли заберем вещи.

Поезд медленно подкатил к перрону и со вздохом пневматики замер. Молодые люди молча вышли на платформу, Сева закинул на спину свой походный рюкзак.

– Ребята, за мной! Не отставайте.

Лавируя в толпе, Сева и Шерманы двинулись к переходу в город. Поднявшись в застекленный переход над путями, Сева уверенно повернул направо. Ринки и Лес шли за ним, озираясь по сторонам: их угнетало обилие грязных, плохо одетых, давно не мытых людей. На лицах большинства из них Ринки увидели печать безысходности. Эрин и Морин стало вдруг ужасно неуютно, они почувствовали себя брошенными, потерянными и чужими в этом городе. Эрин нашла ладонь Лестера и тихонько сжала ее.

Не успели путешественники дойти до метро "Вокзальная", как с неба хлынули струи по-осеннему холодного дождя. Шерманы с непривычки съезились – после сэнгамонской сухой жары к климату в Москве и Киеве еще нужно было адаптироваться. Сева же, не снижая темпа, подошел к ближайшему обменнику и через минуту уже протянул своим спутникам нововведенные украинские гривны. Вскоре молодые люди уже ехали вниз на эскалаторе.

– Какое глубокое здесь метро! – восхитился Лестер.

– Да, это точно. Но вот в остальном – труба пониже, да и дым пожиже.

– Как-как?! – Шерманы, давно уже привыкшие к Севиным прибауткам, от души расхохотались.

Люди со встречного эскалатора косились на Ринки, но впрочем, без особого удивления. Подумаешь – сиамские близнецы! Вон, в Чернобыле...

В музее путешественников встретил угрюмый директор Димка, Севин друг. Нет, и он, и экскурсовод Влада, старая Севина знакомая, были искренне рады видеть его, но Сева сразу почувствовал, что их обоих что-то гнетет. Шерманы "влет" очаровали Владу, прекрасно говорящую по-английски, и через несколько минут она уже уволокла их на экскурсию. А Димка проводил Севу в свой кабинет и достал из шкафа бутылку коньяка "Камю" и пару пузатых рюмок.

– Садись, старик. Наливай. Господи, до сих пор не могу поверить, что это – ты. Сразу видно, из тропиков – сам чернуший, а голова вон как выгорела!

– Ну не могу же я вас надолго бросать, Димоно. А у тебя, похоже, что-то не так. Рассказывай.

Действительно, на породистом шляхетском лице Севиного друга то и дело появлялось невеселое выражение. Димка вздохнул:

– Да тут разное-всякое. Ладно, с приездом! Мы тебя заждались.

Друзья чокнулись. Коньяк оказался не "паленым" – сущий нектар.

– Понимаешь, старина, вот сразу после того, как я тебе отправил приглашение, все и началось. То воду у нас в музее отключали, то электричество. Якобы, за неуплату. Потом пожарная инспекция приходила. А на днях выяснилось, что наш музей хочет схарчить руководство Подольского района. Видимо, мы слишком хорошее помещение заняли. Или взятка нужна.

– Погоди, Димоно. Если вопрос в деньгах, нужно подключить Ринки – у них можно неплохо подзанять.

– Сев, я еще просто не знаю, в чем вопрос. Да и о каких деньгах может вообще идти речь – люди не для этого на другой конец Земли летели... Завтра пойду на ковер в район.

Прости, но самое неприятное, что я не смогу подселить вас сюда – того и гляди, какая-нибудь еще очередная инспекция заявится.

– Да ладно, в гостинице перебудуем, денег достаточно. – Севе было крайне неловко, он уже начал обдумывать, как объяснить все Лесу и Ринки.

– Ну уж нет, Мейерхольдыч ты наш! Мы тут вчера подумали и я решил – поселим вас всех к Олегу Федоровичу. У него пустая комната как раз.

– А кто это? Это удобно?

– Да удобно, удобно. Очень неплохой малый, компанейский, ты с ним пока не знаком. Он тут мне очень помог в паре плохих ситуаций. А у него – "двушка" огромная, на Русановке, все условия, пляж, ванная, горячая вода. Ну, напоите его пивом там, я не знаю.

– Здорово! Давненько я на Русановке не живал, уже лет с десятка. Ой, Димоно, спасибо тебе. Давай – за тебя и твой музей!

Выпили по второй, закусили шоколадкой. Димка забросал Севу вопросами о его житье-бытье в Сэнгамоне, о Ринки и Лестере, о планах на будущее. Время пролетело незаметно. Через полтора часа в кабинет ввалились довольные, как слоны, Лестер и Ринки: Влада знала и любила свое дело, она могла рассказать об Андреевском спуске целую длинную сагу. Шерманы слушали, открыв рты. Под конец Лестер загорелся идеей снять об этой улице документальный фильм. Он уже готов был начать оговаривать детали своего плана с Севой и Димкой, когда Сева сообщил ему неприятную новость о том, что жить они будут не в музее, а на квартире.

Шерманы восприняли этот факт вполне спокойно и философски: ведь главное, есть где переночевать, а днем-то гулять нужно.

– Какие у вас теперь планы? – спросил Димка.

– Ничего определенного. Хотели пойти прогуляться.

– Тогда бросайте шмотки здесь и идите, а потом, вечером возвращайтесь – Федорыч заедет, отвезет вас по высшему разряду.

– А, он лошадный?

– Лошадный, купил тут себе старый "Паккард" – точно такой же, на каком Сталин ездил. Восстановил, вылизал, отхромировал – короче, сами увидите.

Поблагодарив Димку и Владу за теплый прием, Лес, Ринки и Сева выгрузили из своего багажа самое необходимое, в том числе – фотоаппараты и видеокамеру, переоделись в соответствии с погодой и отправились на волю.

...Три дюжины десять два ЗИ – одна дюжина одиннадцатому РЫ. Объекты получили постоянное место дислокации в соответствии с первоначальным планом.

...Ринки упростили ребят посетить Лавру в первый же день, и в начале второго путешествия уже выгрузились из метро "Арсенальная" и прогулочным шагом, ведомые Севой, направились по тенистой улице в сторону Лавры. По пути Сева свернул в Парк Славы, чтобы показать своим друзьям вид с днепровских круч. Народу на улицах в этот пасмурный день было не очень много, асфальт еще не просох от дождя, зелень деревьев сверкала влажной свежестью. Было достаточно прохладно, непривычные Лестер и Ринки жались друг к другу, поживаясь.

– Ребят, а ребят! Мы же сегодня еще не евши. Да и не пимши. Как по-вашему, вон то кафе подойдет? – спросил наконец Сева, которому стало холодно смотреть на своих друзей.

– Подойдет!!! – хором воскликнули оголодавшие сестрицы, окинув взглядом летнюю забегаловку со столиками под зонтиками с надписью "Хайнекен", источавшую вокруг себя весьма неплохие ароматы – А пива здесь нам нальют?

– Нальют, Эри. Только, скорее всего, не "Хайнекена", а местного, "Оболони".

– А оно... как?

– Да вроде ничего, вкусное было когда-то...

Получив от полусонной продавщицы три порции вполне приемлемого и нежного шашлыка и несколько бутылок пива, молодые люди расселись под зонтиком и принялись за еду. Лестер вытащил видеокамеру и стал снимать застолье. Неожиданно он перевел объектив на палатку. Сева оглянулся, и... глаза его стали округляться.

Возле палатки маячил высокий тощий силуэт "Марья Васильевна" в мужской "ипо-стаси" – с расстояния в четыре метра ошибиться было невозможно. Субъект бросил единственный взгляд на продавщицу, и та, бессильно уронив голову на руки, навалилась на прилавок, сладко уснув. Сева быстро озирнулся – во всей аллее, кроме них, не было видно ни единого человека.

"Марья Васильевна" подошел к их столику.

– Камеру выключи! – быстро произнес он. Говорил субъект по-английски, вполне понятно, но с очень странным, лающим акцентом.

– А не пойти ли вам, мистер? Для начала назовитесь! – немедленно отреагировала Морин.

– Помолчи, отросток, пока жива! – субъект извлек из кармана книжицу – удостоверение темно-серого цвета – Спецагент Пеппин, наркопат безопасности Украины.

– По зубам? – поинтересовался Лес, нахально направляя работающую камеру в лицо «спецагенту».

Сева чуть не рассмеялся, несмотря на буквально осязаемые волны холодной ненависти, исходящие от "Марья Васильевна".

– Ба, Марья Васильевна! Пивка не желаете? – учтиво спросил он по-русски.

Подобный поворот беседы явно смутил "спецагента". Он, было, протянул руку к камере, но неожиданно раздумал. После затянувшейся паузы субъект усмехнулся – углы прямого узкогубого рта поползли кверху, обнажая кривые белые зубы. От этого рот начал напоминать квадратную скобку.

– Что ж, охотно.

– И чего же вам от нас нужно, Марья Васильевна? – спросил прежним учтивым тоном Сева, протягивая собеседнику открытую бутылку "Оболони".

С подозрением взглянув на жидкость в бутылке, "спецагент" вновь заговорил. Голос его был на редкость неприятный, с неким металлическим зудением.

– Вы, как добропорядочные граждане, должны и обязаны оказывать всемерную помощь государственным специальным службам, не так ли?

Ринки развернулись к "спецагенту", видимо, готовясь высказать ему все, что они о нем думают, а то и в челюсть с четырех рук засветить, но Сева наступил им под столом на ногу:

– Мы готовы, Марья Васильевна! – произнес он бодро.

Морин взглянула на Севу с презрением. Видно, очень уж ее задел «отросток».

– Сегодня вас должны разместить на частной квартире. Меня интересует ее хозяин, его режим дня, связи, наличие оружия. – глухо сказал «спецагент».

– Так-так, очень хорошо... А теперь попрошу предъявить Ваши документы, разрешающие проведение этой акции! – ответил Сева, подпустив в голос стали, – Мы из особого отдела Интерпола! – левой рукой он показал, не открывая, свой малиновый солидный пропуск в общежитие Грэндтайдского университета – Мои коллеги, агенты Малдер и Скалли. Ваше удостоверение, ну ка! – он требовательно протянул руку.

Психическая атака на "спецагента" была проведена столь успешно и неожиданно, что даже Ринки с Лесом на секунду поверили, что они и есть Малдер и Скалли. "Спецагент" в явном замешательстве медленно протянул Севе свои "корочки". Сева взял их, как ни в чем не бывало, сунул к себе в карман.

– Лапы в воздух!!! – одновременно выкрикнули Эрин и Морин, когда рука "спецагента" потянулась к нагрудному карману куртки. Вражина замер с ничего не выражающим лицом,

послушно подняв руки. Сева кивнул Ринки, которые, сидя влоборота к столику, испепеляли недруга взглядами, не забывая, впрочем, косить глазами и на Севку. Молниеносная подсечка – и "спецагент" доской рухнул наземь, звучно стукнувшись затылком об бордюр. Так и не начатая бутылка пива хлопнула об асфальт.

Ринки, не долго думая, прыгнули поверженному на грудь, сжав ему горло бедрами. "И где они такого нахватались?" – мелькнуло в голове у Севы.

– Значит, Безногая Прелестница, говорите? Ну-ка, Лес, обыщи-ка его! – приказала Эрин.

Лес неумело обшмонал карманы субъекта и сумку, выудив на свет Божий толстенную пачку долларов толщиной в пару кирпичей, перевязанную банковской ленточкой, хитрый карманный приборчик, который Сева принял за электронную записную книжку, и изящный небольшой пистолетик из синеватого металла.

– Готово.

Ринки поднялись на ноги.

– Мы его не убили?

– Хочешь вызвать скорую помощь, Мо? И потом, где свидетели-то? – и правда, в аллее по-прежнему было пусто – Бежим отсюда, пока не поздно! – сказал Сева, но Лес остановил его:

– погоди. Сейчас запечатлеем его для истории. – и, прежде, чем кто-то успел возразить, навел камеру на лежащего.

И тут тело "спецагента" с мерзким чавканьем начало расплзаться, превращаясь в огромный клубок змей. Черные блестящие головки потянулись к ногам Ринки. Девушки отскочили от жуткого многоглавого спрута и с истошным визгом очертя головы понеслись к обрыву, который отделялся от аллеи лишь невысоким бетонным бордюриком: близняшки панически боялись змей. Ринки бы неминуемо расшиблись насмерть, если бы Сева, бросившийся вслед за ними, не успел в последний момент ухватить их за брючный ремень и повалить отчаянным рывком. Удостоверившись, что Ринки не собираются кончать жизнь самоубийством, Сева оглянулся назад и – обмер: Лестер стоял с видеокамерой в руке и хладнокровно снимал... пустую куртку и штаны. Тело "спецагента" растаяло, его как не было. Только желто-серая короткая кожанка, темные очки, небольшая наплечная сумка и застегнутые штаны, из которых неведомым способом исчез их владелец.

Отдышавшись, Сева подал руку Ринки, поднял своих подруг на ноги и подошел к Лестеру.

– Видел?

– Видел, конечно, да не то! – ответил Лес, выключая камеру и переводя ее в режим воспроизведения – Сам взгляни.

То, что показалось ребятам клубком змей, в видеоискателе камеры смотрелось бесформенным блестящим нечто, колыхавшимся, как ртуть. Если человеку можно внушить, что он видит змею, то камеру обмануть невозможно. Нечто растеклось ручейком и устремилось в сторону ближайшего газона, оставив на асфальте лишь свою "людскую" оболочку – куртку, сумку, очки да штаны...

– Ни хрена себе! Фантастика! – пробормотал Сева, закончив просматривать запись. На душе у него стало совсем неспокойно.

Тем временем хозяйственные сестрицы занялись осмотром трофеев. Вытянув из пачки несколько купюр, Ринки внимательно осмотрели их:

– Настоящие! – категорически констатировала Морин – Пачечка тысяч на двести – триста.

Сева, еще раз оглянувшись, не появились ли зеваки, взял куртку, сумочку, штаны и очки, скатал все это в ком и зашвырнул их подальше в высокую траву. "Клад – радость бомжа." – подумалось ему. После этого внимание Севы привлек пистолетик. Это явно было оружие, но оно напоминало земные пистолеты только на первый взгляд: кроме удобного эрго-

номичного спускового крючка, на его корпусе не было никаких переключателей, затвор не передергивался. Более того, на конструкции не было заметно даже ни единого шва! Вместо дульного отверстия пистолетик имел полукруглую выпуклость, по цвету ничем не отличающуюся от корпуса.

От осмотра трофея Сева отвлек явственный шорох в траве, примерно там, куда утек "Марья Васильевна". Не долго думая, Сева вскинул пистолетик и нажал спуск...

Вместо выстрела прозвучало негромкое "С-с-с-фьюить!", и на газоне, правда, совсем не там, куда целился Сева, во мгновение ока выжгло пяточок травы. На облысевшем черно-земе газона Сева успел углядеть уползающий серебристый ручеек. Ручка пистолетика заметно похолодела после выстрела.

Сева с уважением поглядел на оружие:

– Ну, ребята, живем! Денег – как у Чубайса, пушка есть, тоже весьма нехилая... Лес, а это что еще за устройство?

Лес молча показал Севе раскрытую "записную книжку". На черной панели, сделанной не то из металла, не то из пластмассы, были нанесены бледно-зеленые символы, значение которых оставалось тайной, покрытой мраком. Они не напоминали ни буквы, ни крючковидные санскритские письмена, ни арабскую вязь, ни иероглифы... Какие-то все остроугольные, как чертополох. Неэстетичные, казалось, долго глядя на них, можно порезать глаза.

– Закрой эту штуковину, Лес, от греха подальше! – попросила Морин.

Лестер с заметным облегчением захлопнул крышку неведомого устройства и спрятал его в карман сумки.

Есть и пить молодым людям после скоротечного огневого контакта как-то расхотелось. Сева хозяйственно запихнул оружие за пояс, и компания тронулась в путь. Продавщица в киоске мирно посапывала и на внешние раздражители практически не отзывалась. Сердобольный Сева перед уходом прикрыл окошко киоска и выставил наружу табличку "Закрето", чтоб не ограбили ненароком. Подумав, он подложил спящей под ладошку сто долларов – за моральный ущерб. Если обстоятельства благоприятны, можно позволить себе быть добрым барином. После этого компания направилась в сторону Лавры, чья колокольня блестела главой в скудных лучах солнца, все же пробившегося сквозь пелену облаков.

Настроение у всех четверых было безнадежно испорченным и немного нервным. После всей той невероятности, которой молодые люди были свидетелями, все думали об одном и том же, но ответов на свои вопросы они не находили. Хорошо героям научно-фантастических романов: они как правило морально готовы к встрече с чем-то необычным и непонятным... Сева попытался развеселить Леса и Ринки, рассказав им свежий анекдот с украинской национальной спецификой, которым в отсутствие Шерманов снабдил его Димка, но история вызвала у Леса и Ринки лишь натянутые улыбки. Прогулка по Лавре и военному музею прошла с постоянными оглядками; один раз Лесу даже почудился в толпе экскурсантов "спецагент Пеппин", но при ближайшем рассмотрении он оказался вполне благонамеренным гражданином из немецкой тургруппы. Да, пуганая ворона куста боится...

Вечерело. Притомившись от долгой ходьбы, молодые люди уселись на парапет одной из террас под Той, Которой Нужно Подчиниться. Аккумулятор в камере Леса окончательно сдох, рыжий режиссер, только собравшийся поснимать панораму, чертыхнулся. Дело в том, что террасой ниже разместились великолепная композиция из двух танков, стоявших нос к носу, чьи перекрещенные пушки были перевязаны толстым канатом, причем один из танков был окрашен, якобы на потеху малышам, в эротично-розовый цвет, а другой – в светло-голубой. На броне были намалеваны пташки, жучки и бабочки. Ринки, увидев композицию, прыснули:

– А это что, Сева, "Перекуем мечи на орала" по-украински?

– Нет, Ринки, скорее "Сексуальные меньшинства – объединяйтесь!"

– Почему это? – хором спросили все трое Шерманов.

– Видите ли, по-русски "гомик" обозначается словом "голубой", а "лесби" – "розовая". Ринки хохотали до икоты, Лес не отставал от них. Наконец, пришла разрядка от той тревоги, которая владела всеми.

– Ребята, а я, кажется, знаю, кто может нам помочь. – сказал Лестер, вытирая слезы рукавом.

– Кто же?

– Ты говорил, что нас поселят к какому-то другу директора музея, не так ли?

– Точно! И эта... Этот... Тоже им интересовалась. Пожалуй, есть резон обо всем ему рассказать, и побыстрее.

– Пошли назад, лучше мы его там подождем, чем он – нас. Вечер – понятие растяжимое.

– Пошли, нам вниз.

Спустившись на набережную, компания села на трамвай, и уже через полчаса Сева и Шерманы подходили к музею.

На брусчатке возле музейного подъезда стоял огромный темно-синий старинный "Паккард", сиявший хромированной решеткой радиатора и "клыками" далеко выдающегося вперед бампера.

– Кажется, это за нами. – сказал Сева.

Лес и Ринки в немом восхищении воззрились на чудо-автомобиль.

– Интересно, сколько бы за этот экземпляр выложил автомузей в Электре? – задал риторический вопрос Лес.

– На хлеб с маслом долго бы хватало. – ответила Морин.

Навстречу им из подъезда вышел Димка в компании коренастого высокого черноволосого мужчины. Сева тут же отметил, что внешностью тот весьма похож на Василия Шукшина. Возраст его было невозможно определить – ему могло быть и тридцать, и сорок пять. Волосы у него были иссиня-черные, с редкой проседью, глаза – пронзительные, темно-карие. Двигался он порывисто и как-то очень ловко, **СОВЕРШЕННО**.

Компаньон Димки, казалось, знал, что молодые люди на подходе. Он, улыбаясь, подошел к Севе и Шерманам и протянул руку для пожатий. Улыбка у незнакомца была приятная, очень располагающая:

– Привет! Меня зовут Олег. – сказал он по-русски, протягивая руку.

– Сева. – сказал Сева, пожимая ее.

Ринки тоже представились по-русски (Эрина, Морина). Олег Федорович тут же просиял и отпустил весьма галантный комплимент. С Лесом же он заговорил на прекрасном английском, чем тот был несказанно удивлен и обрадован. Подошел Димка:

– Ну вот и вы. Садитесь в машину, поезжайте к Федорычу, а мне здесь кое-что надо закончить – очередная комиссия. Вечером, может, зайду.

Отозвав Димку в сторону, Сева тихо спросил:

– Чего хотят?

– Взятку.

– Сколько?

– Пять сотен зеленю.

– Держи.

Приоткрыв сумку, Сева продемонстрировал готовому уже протестовать другу "кирпич" американской валюты и отсчитал пять сотен.

– Банк грабанул?

– Нашел. На дорожке в парке валялись.

– Врешь!

– Почти не вру. Но деньги, так или иначе, теперь наши. По праву баратрии. Короче, держи.

Димка диковато посмотрел на Сева, но пять серо-зеленых бумажек взял: видно, совсем допекли.

– Смотри, осторожнее: дай не все, типа, последние двести или триста нашел. – напутствовал Димку Сева – А то еще захотят.

– Понял. Когда отдам – не знаю...

– Беспроцентный бессрочный кредит. Дареному слону в хобот не смотрят. Не вздумай отдавать.

– Спасибо тебе! Ладно, разберемся.

...Вскоре вещи были уложены в багажник "Паккарда", и четырехколесный мастодонт, приглушенно заурчав мощным двигателем, развернулся и покатил по Подолу в сторону набережной.

С Олегом Федорычем, по необсказанному соглашению, общались на английском, чтобы ни Ринки, ни особенно Лес, не чувствовали себя неловко.

Сева развалился на заднем сидении лимузина и промурлыкал с нарочитым акцентом:

– А что вы думаете по вопросу коллективизации в Сэнгамоне, товарищ Шерман?

Лес понял, кого пародирует его друг, и ответил в тон:

– Коллективизация в Сэнгамоне будет буксовать до тех пор, пока Вы не найдете свою трубку, товарищ Сталин!

Олег со смешком обернулся к Севе:

– А знаете, это ведь действительно "Паккард" из сталинского гаража. По крайней мере, его бывший хозяин мне в этом клялся и божился. Так что, великий вождь и учитель, теоретически, мог сидеть на заднем диване. Кстати, специально там обшивку не менял.

– Сколько вы вообще за это чудовище отдали, Олег? – спросил Лестер.

– Пару тысяч долларов. Правда, ремонт влетел уже в гораздо большую сумму, зато – маэмо, що маэмо – по-украински закончил фразу Олег Федорович.

– Этого рыжего субъекта всегда завидки берут, когда он старые машины видит. – прокомментировала Эрин.

– Вполне достойное увлечение. Хотя, я думаю, у вас с этим проблем меньше, чем у нас.

– Ровно столько же. Если речь идет не о сэнгамонских марках. – поспешил включиться в беседу Лестер.

Не прошло и десятка минут со времени знакомства, а они уже беседовали, как старые друзья. Сева, который сам сходил с людьми довольно легко, не уставал удивляться открытости и доброжелательности Шерманов. Это было еще более удивительно для него после того, как Лес как-то рассказал о своем сиротском детстве, полусумасшедшей тетке, которая как-то чуть не забила его до смерти, о своем всегдашнем положении изгоя, окончившемся лишь после знакомства с Ринки, которые, в конце концов, помогли ему найти себя...

А "Паккард" тем временем уже катил по мосту Патона.

– Кстати, все хотела тебя спросить! – обратилась Эрин к Севе – А почему этот мост так забавно называется?

– А что же тут забавного? Евгений Патон – отец советской электросварки. Почему бы не назвать первый сварной мост в Союзе его именем?

Ринки рассмеялись:

– Понимаешь ли, Сева, в Штатах Патоном кличут снежного человека из Аппалачей...

Эрин с Морин, расположившиеся спереди, толкали ежесекундно друг друга локтями, увидев что-то новое и интересное то справа, то слева, и обращая на это внимание друг дружки. При этом Севке они до ужаса напоминали парочку провинциальных барышень в столичном городе. И правда, вечерняя синь скрывает обветшалость домов, облупленную штукатурку и прочие неприглядности, в окнах приветливо горел свет, открылись вечерние кафе и питейные заведения, в которых проводило время, как оказалось, довольно много народа. Позади белой

свечой с золотым навершием сияла подсвеченная снизу мощными прожекторами лаврская колокольня... Слева чернели кущи Гидропарка, справа в отдалении высились фермы железнодорожного моста и четко рисовалась на фоне рдеющего закатного неба мачта совсем уж далекого нового вантового моста, который в последнее пребывание Севы еще только строился.

От лирических раздумий Севу отвлекло неприятное ощущение: в живот врезалась рукоятка странного пистолета, все еще заткнутого за пояс.

И тут Олег, как бы невзначай, обернулся к Ринки и спросил у них:

– Девочки, а вы никогда не пытались ни с кем общаться телепатически?

Сестры синхронно повернулись к нему и вскинули брови:

– Нет, не пробовали. А почему вы спрашиваете?

– Просто только что мне показалось, что вы подумали: "Хорошо бы мы сейчас свернули в тот район у моста, там, кажется, очень уютно."

Глаза Эрин округлились, Морин приоткрыла от удивления рот:

– Именно это я и подумала (Я тоже... – пробормотала Эрин), причем буквально этими же словами! Ничего себе, Олег! Да это не мы, это вы телепат, получается! – перебивая друг друга, воскликнули сестры.

Поворачивая направо, под мост, чтобы ехать на Русановку, Олег хмыкнул:

– Ну, иногда угадать мысли человека проще простого по его реакциям и поведению. А вот слышать чужие мысли мне как-то не приходилось.

– Кстати, Олег, у вас есть телевизор с видеовходом? – спросил Лестер.

– Есть. – с недоумением ответил Олег – А зачем?

– Я вам хочу показать один любопытный фрагмент, который мы отсняли сегодня. Он касается вас впрямую.

– Вот как? Но мы же не были с вами еще знакомы, насколько я понимаю.

– Просто вами заинтересовался один весьма странный товарищ. Признаться, мы в растерянности.

Все примолкли. Попетляв по Русановке, "Паккард" остановился между монстроидальными опорами шестнадцатизэтажного "дома на ножках" – причуды неведомого архитектора шестидесятых годов. Навьючившись вещами, компания вошла в подъезд и поднялась в грузовом лифте на самый верхний этаж.

Ринки с Лестером тут же получили в распоряжение немерянный двуспальный "сексодром", Олег даже не стал слушать их робких протестов. Сева обосновался на кухонном диване. После решения проблем с расселением, вся компания уселась в холле за чаем. Лестер напомнил:

– Олег, мы должны кое-что показать вам.

– Может, отложим на завтра?

– Лучше не надо. Мне кажется, ситуация серьезная и абсолютно непонятная. Началось все еще на самолете, когда мы летели в Москву...

Выслушав рассказ Лестера о "Марье Васильевне", Олег, ни слова не говоря, полез в ящик секретера за переходником.

...Когда на краю экрана появился "спецагент Пеппин", Лестер нажал на паузу.

– Вот он, этот тип. К сожалению, диалог с ним я не заснял. Если в двух словах, он представлялся работником некоей спецслужбы...

– С бредовым названием. – вставил Сева.

– Этого момента я не прочувствовал, у меня с названиями спецслужб плоховато – знаю КГБ, ЦРУ, Ми-5 и наш ССЦ. А затем в ультимативной форме потребовал, чтобы мы ему на вас доносили. Сева в ответ его напугал, представившись сотрудником Интерпола, а потом Ринки его немного уронили об асфальт. И вот что получилось. – Лес отжал паузу. На экране появился лежащий "спецагент" и гордо восседающие на нем Ринки. В кадре появился Лестер, обыски-

вающий карманы поверженного врага – камера в этот момент покоилась на столе. Потом тело "агента" начало терять форму, едва поднявшиеся на ноги Ринки с визгом отпрыгнули и исчезли из кадра. Тем временем тело быстро потеряло свои очертания, превратившись в лужицу вещества, напоминающего ртуть. Вытянувшись ручейком, ртуть потекла в сторону газона.

– Ринки, а вам что показалось? – спросил неожиданно Олег.

– Клубок змей... Он превратился в клубок змей! – девушки побледнели, им вновь пришлось вспомнить нешуточный эмоциональный шок от пережитого кошмара – Олег, а... вы не знаете, ЧТО это?

– Знаю. Но это относится в большой степени именно ко мне, а вас задело лишь краем, и надеюсь, точнее – уверен, что никаких неприятностей у вас с этим... агентом больше не будет. Во всяком случае, пока. Спасибо большое за информацию, для меня это очень важно, поверьте, друзья. Знаете поговорку: кто предупрежден – тот вооружен.

– Простите, Олег, но так дело не пойдет. – от волнения Сева перешел на русский – Мы уже ввязались в эту авантюру и лично я не собираюсь отваливать в сторону, если моему знакомому грозит опасность.

Не поняв ни слова, Лестер дождался, пока Сева закончит, и повторил примерно ту же тираду по-английски. Ринки промолчали, но кивками подтвердили, что всецело присоединяются к этому мнению. Правда если честно, сестрами двигало в первую очередь любопытство, которое, как известно, убивает кошек. Олег невесело усмехнулся:

– Ребята, дорогие, я очень ценю вашу готовность помочь, но поймите, что в этом конфликте замешаны такие силы, о борьбе с которыми может идти речь даже не на уровне отдельных стран, а лишь на уровне всей планеты Земля. Даже и этого может оказаться мало.

– Но мы хотя бы вправе знать, с чем имеем дело? – спросила Морин.

– Конечно, девочки, право вы такое имеете. Но если узнаете – вам будет только хуже. Поверьте, гораздо хуже. – уголки Олегова рта скорбно изогнулись, вокруг глаз собрались глубокие морщины. Теперь ему можно было дать и за пятьдесят – К сожалению...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.